

Уважаемый суд!

Я сознательно ограничиваю свое выступление только одним эпизодом дела по обвинению по части 1 статьи 159. Я являюсь не только общественным защитником, но и доцентом Кубанского государственного университета. Поэтому несостоятельность обвинения в похищении заработной платы с зарплатной банковской карты для меня очевидна.

Не было и не могло быть преступного замысла. Это доказывается свидетельскими показаниями декана журфака Кравченко, заместителя начальника учебно-методического управления Звягинцевой, декана ФППК Гребенниковой, диспетчера Приходько и другими свидетелями, выступившими в суде. Их показания сходятся в том, что преподаватели КубГУ не имеют возможности составлять расписание и вписывать туда фамилии преподавателей, ведущих ту или иную дисциплину. Такой документ, как расписание занятий студентов 4 курса специальности «связи с общественностью» подтверждает, что в расписании весь семестр стояла фамилия Дроздецкой (Т. 20 л. 156 – 158). Диспетчер Приходько, составлявшая расписание, в суде дала показания, что фамилию Дроздецкой для включения в расписание ей назвали должностные лица кафедры связей с общественностью, но не Савва. Таким образом, М.В. Савва не включал себя в расписание занятий. Проведение занятий Дроздецкой вместо Саввы было организовано должностными лицами кафедры связей с общественностью. Мотивы этих действий объяснила свидетель Дроздецкая, которая заявила в своих показаниях в суде следующее: когда ей звонили с кафедры и предложили провести эти занятия, ей сказали, что Савве вписали эти 57 часов до полуставки, фактически же он будет вести занятия в магистратуре. Свидетель Кравченко, декан факультета журналистики, пояснила в суде, что занятия в магистратуре должны вести доктора наук. В связи с этим нагрузка Саввы была сконцентрирована именно в магистратуре. Показательно, что комиссия КубГУ, рассматривавшая это нарушение, пришла к выводу о виновности заведующего кафедрой Близняка и декана Кравченко. Изначально речь шла не о каком-то преступном замысле, а о недоработке в планировании. И Савва не имеет к этому никакого отношения.

Какое бы давление ни оказывалось на свидетеля Дроздецкую, она не меняла своих показаний ни на следствии, ни в суде. Суть этих показаний в следующем: Савва к ней с просьбой о замене не обращался. Более того, в суде Дроздецкая показала, что ее индивидуальный план был якобы утерян. И по просьбе заведующего кафедрой Близняка она расписывалась в своем учебном плане уже весной 2013 года, уже после ареста Саввы. Поэтому установить, ни стояла ли нагрузка в размере 57 часов в плане Дроздецкой, сейчас невозможно. О том, что должностные лица были прекрасно осведомлены о ведении курса «теория и практика связей с общественностью» Дроздецкой, говорит следующий факт: зачетная ведомость была выписана на ее имя. Необходимо также учесть то обстоятельство, что в индивидуальном учебном плане Саввы стоит не его подпись.

То, что проведение занятий Дроздецкой вместо Саввы было организовано должностными лицами университета, подтверждается их полным бездействием после того, как факт чтения курса Дроздецкой якобы был выявлен в декабре 2012 года. Я говорю якобы, потому что и Близняк, и Патюкова знали об этом все время. Объяснение о том, что они ничего не предприняли, потому что были заняты подготовкой к аккредитации, совершенно несостоятельно. Если речь идет об уголовном преступлении, то это безусловно важно. Вне зависимости от аккредитации, что понимает любой здравый человек. По показаниям Дроздецкой, никакого разговора с ней Близняка в декабре 2012 года о причинах проведения ею занятий, не было.

Заведующий кафедрой Близняк и его заместитель Патюкова давали как следователю, так и в суде ложные показания. Так, Патюкова заявила о том, что она назвала диспетчеру факультета педагогики, психологии и коммуникативистики для включения в расписание фамилию Саввы. При этом она не смогла объяснить, каким образом в расписании оказалась фамилия Дроздецкой. В то же время диспетчер ФППК Приходько заявила о том, что Патюкова назвала ей фамилию Дроздецкой. Другого и не могло быть, поскольку диспетчер выполняет лишь техническую работу, включая в расписание названные ему фамилии. Диспетчер не принимает решений, кто из преподавателей читает тот или иной учебный курс.

Следующим важнейшим моментом является полное отсутствие ущерба для КубГУ. Занятия были проведены, дополнительные средства университет не затратил. К качеству занятий у студентов нет нареканий. Никто, ни следствие, ни обвинение, ни заинтересованные свидетели от университета не смогли сказать, в чем же состоит ущерб. Получается, что профессор Савва похитил со своей банковской карты свою зарплату, которую ему начислила бухгалтерия. Показательно, что университет не обращался с заявлением о возбуждении уголовного дела. Это было бы полным абсурдом, поскольку у профессора Саввы с КубГУ были трудовые отношения, и споры, если бы вдруг они возникли, должны были решаться в порядке гражданского судопроизводства. То, что произошло в случае с М.В. Саввой, создает опасный прецедент в российской правосудии и для российского общества в целом. Это удивительно расширительная трактовка статьи 159 «мошенничество» Уголовного кодекса. Даже если на секунду предположить, что формулировки обвинения в чем-то отражают правду, и Михаил Савва действительно не оформил должным образом замену часов, о которой якобы сам просил, это могло послужить только предметом разбирательства в рамках гражданского дела. И следствием, и показаниями свидетелей в суде установлено, что аудиторная нагрузка Саввы равнялась 426 часам. Легко посчитать, что 57 часов составляют 13 % от данной нагрузки. И как бы ни пытались уйти от ответов на мои вопросы некоторые должностные лица университета, в обязанности профессора входит не только проведение занятий. Но и, например, научная работа. Если по этому делу будет вынесен обвинительный приговор, то в России будет создан опасный прецедент.

Любой наемный работник, где бы он ни работал: в прокуратуре, на почте, в поликлинике, должен будет знать: если в течение своего рабочего дня он на час попросит подменить напарника, не поставив в известность начальство, то его привлекут к уголовной ответственности по статье «мошенничество». То есть увольнением дело уже не ограничится. Готово ли российское судопроизводство к такому повороту?

Наконец, вопрос об определении суммы якобы нанесенного университету ущерба. Ни представитель КубГУ, ни главный бухгалтер не смогли объяснить, на основании чего в эту сумму были включены выплаты, не имеющие никакого отношения к курсу «теория и практика связей с общественностью» продолжительностью 57 часов. Зарплата преподавателям рассчитывается пропорционально по месяцам, исходя из нагрузки на весь год. То есть оплата за все количество часов, которые должны быть проведены за год, делится в равных долях по месяцам. Это означает, что в зарплату за осенний семестр 2012 года, когда у Саввы в план был включен лишь один учебный курс, была включена частично оплата за часы, которые он должен был прочитать в следующем, весеннем семестре. Университет требует возвращения всех выплат за осенний семестр, включая компенсацию за неиспользованный ранее отпуск, за ученую степень доктора наук и так далее. Эта фальсификация делается для того, чтобы сумма ущерба хоть что-то из себя представляла и был формальный повод для уголовного дела.

Свидетель Полиди в суде заявил, что час работы профессора в Кубанском политехническом государственном университете оценивается в 200 – 250 рублей. КубГУ, в котором работал профессор Савва, также является государственным вузом, и там такие же расценки. Оцениваем час максимально, в 250 рублей. В этом случае стоимость курса – 14 250 рублей. Сумма выглядит смешно. М.В. Савва из следственного изолятора направил ректору КубГУ письмо, в котором предложил исправить ошибку, допущенную должностными лицами университета и компенсировать Дроздецкой стоимость проведенных ей занятий. Ответа он не получил. По размеру зарплаты, которую Савва получал ежемесячно на карточку, невозможно было определить, что ему переплатили. Во-первых, эти суммы были незначительными – 6 – 10 тысяч рублей. Во-вторых, эти суммы были различными от месяца к месяцу в результате дополнительных выплат. Подчеркну, что вызывает огромное удивление факт включения в сумму ущерба премии, которая была выплачена профессору Савве за победу в конкурсе и включение в список 100 лучших преподавателей Кубанского госуниверситета.

Уголовное дело по эпизоду с университетом, никак не связанному с первым, было необходимо Управлению Федеральной службы безопасности для подстраховки. Те, кто фальсифицировал дело в отношении М.В. Саввы, понимали, насколько неубедительно выглядит первый сфальсифицированный эпизод. Я имею в виду социологическое исследование, проведенное маркетинговым агентством «Пилот». В этом эпизоде нет ни события преступления, ни его состава. Поэтому потребовался

второй эпизод. Задача состояла не в том, чтобы раскрыть преступления – их просто не было. Задача была в том, чтобы расправиться с Михаилом Саввой любыми способами.

Это подтверждается методами, которые использовались следствием. Среди этих методов – вымыслы. Цитирую рапорт старшего оперуполномоченного УФСБ капитана Богатырева от 16 августа 2013 года: «согласно полученной оперативной информации, подпись от имени М.В. Саввы в его индивидуальном плане работы преподавателя на 2012 – 2013 учебный год..., по его просьбе, выполнил один из его знакомых сотрудников КубГУ, установить анкетные данные которого, а равно его местонахождение, не представилось возможным» (Т. 23, л. 227). Один из знакомых, кто – неизвестно, где находится – неизвестно. Это очень похоже или на детский лепет, или на слова человека, который болен и у которого очень высокая температура. По сути – ничем не подтвержденный вымысел.

Среди этих методов также – давление на защиту. Это происходило даже на заседании суда, когда свидетель, начальник учебно-методического управления КубГУ Карапетян заявила мне, что я неправильно себя веду и должна подумать о собственных нарушениях трудовой дисциплины, которыми уже якобы занимается специальная комиссия. Выяснилось, что заявление о комиссии является ложью. На мое заявление были даны официальные ответы о том, что такая комиссия в КубГУ не создавалась – для этого не было оснований.

Одна из причин, почему давление на свидетелей стало возможным, состоит в следующем: один и тот же человек по фамилии Попов проводил следственные действия в качестве сотрудника УФСБ, например, опрашивал Михаила Савву в СИЗО, он же входил в комиссию университета, которая рассматривала выполнение Саввой своего учебного плана. И он же в настоящее время является начальником службы безопасности КубГУ. Это давало ему возможность в интересах следствия оказывать давление на свидетелей от университета, используя свое служебное положение.

В деле Саввы огромное количество неразрешимых сомнений в его виновности. Часть 3 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса говорит: «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого».

Дело в отношении М.В. Саввы сфальсифицировано. О мотивах этой фальсификации он сам уже неоднократно говорил. Хочу напомнить, что М.В. Савва является политическим заключенным в соответствие с решениями российского правозащитного центра «Мемориал», Союза солидарности с политзаключенными и международной правозащитной организации Human Rights Watch.

Я прошу также суд учесть характеристики М.В. Саввы, которые были предоставлены известными в научном мире людьми: академиком Тишковым, доктором политических наук Паиным, научным руководителем Центра миграционных исследований Зайончковской. Во всех этих характеристиках

указывается на большой вклад Саввы в развитие российской науки в разработке таких актуальных тем, как этнополитические конфликты и миграция.

Я прошу оправдать моего подзащитного в связи с отсутствием как события, так и состава преступления и по части 3 статьи 159 со значком 2, и по части 1 статьи 159.

Е.В. Савва